

Вырезка из газеты

ИЗВЕСТИЯ

от 16 марта
1984 г.

г. Москва

ПРИРОДА словно вознамерилась с лихвой вернуть земле все снега, неданные в предыдущие годы: валил какой-то необычный, второе скрученный снег. В марте Аксакальские брови белых сугробов легли и на хребтины гор, и на крыши айльских домов. Деревни — как «Белый пароход», затертый льдами. «Материнское поле» — белый козий пух. И человек, и животные столкнулись «Лицом к лицу» с этой былою-небылою пурги. «Пегий пес, бегущий краем моря», забился под заспанную автомашину. Буланный иноходец Гульсары стоит на привязи во дворе. «Первый учитель» со своими воспитанниками каждое утро и каждую перемену занимается пробиванием тропинок к школе. «Тополек мой в красной козынке» вместе с «Джамилей» поневоле сидят взаперти, поглядывая сквозь заметенное окно на заметенную снегом улицу, и кажется им, что «И дольше века длится день»...

В этой стихии и застрял дорогой и нужный человек, задержался, а при встрече сопереживания сменились чем-то близким к шутке-упреку:

— Сами же создали «Буранный полустанок»...

Принимает улыбочиво. Говорит о виденном: дикие козы с горы спускаются к человеческому жилью. Встревоженные волки, лисы — бегают у всех на виду. Жаль куропаток, кекликов — погибают: не могут они добыть корм в такой толще снега. А ведь это район, где растут гранаты, виноград! Вот какой снег свалился в предгорья. Вспоминает о беседах, встречах с теми, кто в пятый раз избирает его депутатом Верховного Совета СССР.

Такова меховая, заснеженная шапка начавшейся беседы с Чингизом Торекуловичем Айтматовым, которую, впрочем, можно было бы заменить готовым куском, отрывком из новой книги, что и предполагалось. Газета с удовольствием напечатает. Кстати — о чем новая работа?

— Не могу ни дать отрывка, ни ответить на вопрос. Простите, но никогда этого не делаю. Не так-то просто для меня оповестить — о чем роман или повесть. Странно? Но не хочется забегать вперед, опережать читателя — пусть он сам разберется. Не взыщите, но могу лишь повторять то, что я сказал однажды: отделять идею, тему книги — все равно, что пытаться из готового хлеба получить отдельно воду и отдельно муку...

А самостоятельных кусков, отличающихся какой-то завершенностью и легко выключаемых из цельного полотна, я своих произведениях не нахожу в своих произведениях. Все как-то слитно, и мне жалко добывать, распиливать.

— Мы подошли к вопросу о вашем творческом методе, об определенных авторских установках.

— Раз подошли — поговорим. Вообще-то мне, как и каждому человеку, отведено «свое» пространство и отпущено «свое» время. Добавлю, что у меня есть и «своя» территория — избирательный округ, в котором баллотируюсь. Как депутат,

встречаясь с людьми, заражаясь, проникаюсь их заботами, тревогами. И тут не просто «знакомишься» с жизнью, а вникаешь в суть той или иной общественной проблемы, принимаешь посильное участие в судьбах людей. Устремленности к переменам нам не занимать. Возьмите село Базар-Курган, откуда я только что приехал. В недавнем прошлом — крохотное село. А теперь это районный центр, пожалуй, один из лучших в тех местах, открыт Дворец

своем сельсовете я хорошо знал каждую семью. Жизнь давала познать себя с самых различных сторон. Пешком пройденный меридиан — и тоже мой... И не хотелось бы мне об этом лишней раз напоминать, но что же поделаешь, если это входит в мой житейский опыт и мои убеждения.

— Люди, которые запечатлелись в вашей памяти, зажили потом, что называется, второй жизнью в ваших художественных созданиях?

— Прямого отражения нет —

Точка зрения

Чингиз АЙТМАТОВ:

СЧАСТЬЕ ЖИТЬ НА БЕЛОМ СВЕТЕ

культуры в прошлом году, под стать городскому театру. Избиратели соседнего района, села Ленин-Джол, мне уже дали наказ: помочь в сооружении большого оросительного канала от Нарына в Майлисайскую водосистему, пустить в оборот пустыющие земли.

Все это вроде буднично, но со временем клубок событий вокруг канала может выгнаться в какой-нибудь сюжет. Кто знает. Сюжет — это кусок жизни, история судеб и людей. Каждый по-своему выбирает сюжет. Одни стремятся к занимательности, другие — к правдоподобной узнаваемости. Важно, чтобы была мысль, выходящая к сложным проблемам современности. И все же я должен признаться, что вот сейчас не мог бы написать роман или повесть, например, о БАМе или какой другой великой стройке. Мне представляется, что современность нельзя понимать в каком-то моментальном, сиюминутном смысле. Стройка еще не завершена, а роман готов!

Говорю так не в осуждение кого-то: поток литературы никогда не был, да и не должен быть однородным. «Мое» время — это в основном послевоенные годы, пятидесятые и шестидесятые, отчасти семидесятые. Этот отрезок вошел в мое существо, я пережил его с полной нагрузкой. Война началась, когда мне шел тринадцатый год. Я пахал, был секретарем сельисполкома, учетчиком тракторной бригады.

Что из этого следует? Мы, подростки, в силу событий были подключены к решению общенародных проблем, к их пониманию. Да и жили только ими. Если на фронте солдаты мечтали о том, чтобы выдержать напор врага, выстоять, а потом опрокинуть его и победить, то в тылу мы трудились для фронта, а себе — что останется. Думаю, что никогда с таким глубоким пониманием народ не приносил частное, личное во имя общего. Это были годы наивысшего напряжения духовных и физических сил. В

вымысел преобладает. Для меня важнее всего передать атмосферу тех лет, мышление — именно для той поры, пусть это и покажется теперь кой-кому наивным.

— Пушкин ценил в авторе верность уму. А Тургенев говорил о математической верности действительности...

— Я это понимаю как правдивое отражение реально существующих явлений, людей, их взаимоотношений. В народе такой подход именуют справедливостью. Правду ищешь упорно, хотя, казалось бы, она всегда открыта, доступна пониманию. Да и не всякая правда устраивает художника в том смысле, что далеко не все в жизни может стать предметом искусства. Все же надо признать, что правда в обыденной жизни отличается от правды в художественном произведении: в искусстве она должна быть высокостойким сплавом, очищенной от бытовой накипи, долговечной и наиболее впечатляющей, сильной до неотразимости. Происходит как бы усиление, концентрация добра и зла. Тут не обойтись без точности умозаключений, верности чувства.

— Но когда вы сидите за письменным столом, перед вами возникают живые, известные вам персонажи?

— Да, они находятся вблизи. Посмотрите на портрет, написанный художником, ведь он отличается от натуры, хотя и писан с нее. Повторяю: я во всем придерживаюсь вымысла. Более того, уж коль речь зашла о писательском методе, мне всегда хорошо ясен финал замысла, к которому я обращаюсь. Я знаю, чем должна завершиться история повествования, к работе над которой я еще только приступаю. Начало и середина где-то плавают, а конец продуман настолько, что могу сесть и написать последнюю главу. Конец служит мне камертоном, помогающим настроить соответственно все произведение. Если я вижу финал, то у меня возникает уверенность, что вещь может получиться.

— Это интересно.
— Для меня интересно другое...

— Что именно?

— Обобщенные, выдуманные мной персонажи должны были бы существовать отвлеченно, в повестях, а не на земле. Но вот что получается. После публикации той или иной вещи я, как правило, жду, откровенно говоря, не столько появления критических статей, что тоже очень важно для автора, сколько читательских откликов,

— спасовал, а я утверждаю — пожалел. Я не дал жене и детям испытать, пережить душераздирающие сцены: у них и без того хватает горя. Писательские эмоции пришлось унять.

— Но нельзя отделаться от мысли, что вы в какой-то степени пошли против себя...

— Не совсем так: пошел не против всего себя. Признаюсь, что примирение далось тяжело. Но сердцевину всей этой истории я сохранил. А уж если «как на духу», то в вашем сомнении безусловно что-то есть. Что именно? Сошлюсь на две повести двух авторов — «Лицом к лицу» Айтматова и «Живи и помни» Валентина Распутина. Обе они как бы на одну тему. Повесть Распутина превосходно написана, значительно лучше моей, появившейся много ранее. Но знали бы вы, какие громы и молнии обрушились тогда на меня, молодого, начинающего литератора! Даже близкие мне коллеги по перу разводили руками: «Мы победили такого сильного врага на удивление всего мира, а ты вместо того, чтобы воспевать героев, отыскал подонка...» Их раздражало и то, что дезертир в моей повести, стащив в поле мешок семян, смог пересилить себя, понять — что значит в голодный год сохранить семена, во что обойдется недосев. И дезертир, презренная личность, поворачивает опять к полю, тащит мешок, бросает его на брычку.

Потом я отказался от этого эпизода. Почему? В те времена считалось: раз негодий — малой черной краской да погуще, а если «положительный», то чтобы парил над всеми нами, грешными, блистая своей безупречностью. Верность умозаключений не всегда и не для всех наступает одновременно. Какая-то дистанция необходима для того, чтобы все перемолось и встало на свои места.

Кстати, повесть Распутина, написанная на двадцать лет позднее моей, прошла к читателю, насколько мне известно, без тех перипетий, что сопутствовали «Лицом к лицу». Читатель, не в обиду будь сказано, величина весьма изменчивая. Говорю об этом, как о неизбежном и естественном процессе и в хорошем ободряющем смысле. Но чтобы и тут не было однобокости, сплошного любования милым, добрым читателем, должен признать не без горечи, что попадают в почте нигилистические, упаднические письма. Об этом надо говорить открыто, бить тревогу, полемизировать, отстаивать оптимизм, особенно среди молодых людей.

— Проповедовать добро?

— Литература занимается этим испокон веков. И все же, как мне представляется, здесь допускается абстрактность, бесприцельная стрельба. Читаешь повести, рассказы, газетные и журнальные очерки и всюду наблюдаешь, как на все лады склоняется это слово. Но понятие добра в ходе развития общества изменилось. Раньше добрым слы человек, который подавал кусок хлеба нищему, давал ему обноски одежды, делал вклады в церковь, мечеть или монастырь, в определенные дни кормил голодающих. Добро

— понятие духовное, а покоилось на чистой материальной основе...

Мне кажется, что добро, как человеческое свойство, более всего подходит к домашней, родственной среде. Я не очень-то и представляю, за какие такие действия рабочий будет считать директора завода добрым. За то, что закрыл глаза на прогул? Не лишил премии, хотя тот уже длительный срок не справляется с планом? Но ведь если и притянуть к доброты, то она сделана за счет государства.

Уверен, что рабочий куда больше заинтересован не в отвлеченной доброте, а в порядочном к нему отношении, в повседневном такте, во внимании. Куда важнее для него социальная справедливость, которая лежит в основе нашего образа жизни. Давайте активнее истреблять хамство, проявления наглости, неуважительного отношения к старшим. Ведь не случайно, скажем, на Востоке на почитании старшего строились жизненные и общественные отношения: и эти отношения культивировались веками и входили в народные этические нормы и представления.

Словом, нужны воспитанность, интеллигентность, уважение личности, свободы и оригинальности каждого человека...

На встречах с избирателями в этот раз был у меня разговор с аксакалами. Жалуются, что молодежь пошла неуважительная, грубая, высокомерная, а отсюда — пьянство, хамство, преступления. Один старик убивался: очень, говорит, лет до пятнадцати внук был как внук, душа не нарадовалась, а потом — беда, точно его подменили, не признает ни седины, ни обычаев, давай ему то, давай ему сё, плевать ему на то и на это. Среда, отвечаю я, попал в плохой коллектив. А он мне: почему есть такая среда, откуда она, кто виноват?.. Тяжко мне было отвечать... До сих пор душа болит.

— Хорошее чувство, Чингиз Торекулович. — обостренное чувство ответственности за всех и все.

— Когда я сижу за письменным столом, то предаюсь какой-то жажде сопереживания с моим современником, желаю понять его. Я дорожу им. Стараюсь осмыслить и фламанскую нагрузку нашей страны. Не должна повториться война, когда жизнь приходилось употреблять на одурное дело — на одну атаку, на один бросок гранаты под танк...

Каждый должен иметь возможность долго жить на белом свете, дорожить и свободно распоряжаться лишь однажды дарованным, и цезарю и пастуху, счастьем полнокровного существования. Никто не вправе лишать человека такой благодати от сотворения — жить и преумножаться на земле в нескончаемом возвышении духа и разума.

Беседу вел
Николай ХОХЛОВ.